

Учреждение Российской академии наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии

Улан-Удэ
Издательство ВНИЦ СО РАН
2011

УДК 325.11(577.54)
ББК 60.7(2)Рос. Бур)
М 576

Научный редактор
чл.-кор. РАН, д-р ист. наук *Б. В. Базаров*
Редакционная коллегия
д-р ист. наук, проф. *М. Н. Барданов*
д-р ист. наук, проф. *В. И. Дятлов*

Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии:
сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 192 с.
ISBN 978-5-7925-0314-4

Сборник представляет собой один из результатов работы по проекту № 12 «Байкальская Азия: мигранты и принимающее общество» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Основной задачей проекта является рассмотрение особенностей адаптации мигрантов в Байкальской Азии и принимающего общества к мигрантам. В сборник вошли различные по тематике статьи, но все они направлены на сопоставление Байкальской Азии с различными регионами России, сравнение российской ситуации с миграционными процессами в других странах (Казахстане, Узбекистане, Киргизстане).

Предназначен для специалистов в области проблем миграций и диаспор, преподавателей и студентов, широкого круга читателей.

The collected works volume represents one of the results of research work on the project № 12 "Baikal Asia: Migrants and the Receiving Society" under the auspices of the Basic Research Program of the Presidency of the Russian Academy of Sciences entitled "The Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia". The main goal of the project is to consider the specific features of reciprocal adaptation of migrants to the recipient society in Baikal Asia. The collected works volume includes thematically various articles, but they all are aimed at the juxtaposition of Baikal Asia and different regions of Russia and comparison of the Russian situation with migration processes in other countries (Kazakhstan, Uzbekistan, and Kirguzstan).

The collected works volume is aimed at the specialists in the field of migrations and diasporas, faculty, students and broad audience.

Издание осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», направление 29.4 «Традиции и новации в культуре народов России», проект № 12 «Байкальская Азия: мигранты и принимающее общество»

© Кол. авт., 2011.
© ИМБТ СО РАН, 2011
© БНЦ СО РАН, 2011
ISBN 978-5-7925-0314-4

Содержание

От составителей	5
Базаров Б.В. Этнодемографическая ситуация в контактных зонах Центрально-Восточной Азии	7
Барданов М.Н., Дятлов В.И. Диаспоры в монгольском мире: типология и региональная специфика	15
Ratnak A. Russia and Central Asia: Labour Migration as a Factor of Greater Integration	23
Алексеевко А.Н. Восточно-Казахстанская область: демографические итоги первого пятилетия XXI века	32
Salin I. Urban-Rural Relations in the Transition Period: the Case of an Animal Vastar in Kyrgyzstan	45
Ratner T.A. Globalization and Labour Mobility in Uzbekistan: a Study in Changes and Challenges	52
Дятлов В.И. Преодолевая «новые границы»: трудовые мигранты из Центральной Азии в России	61
Данзатов Б.З., Содномпилова М.М. Трудовая миграция граждан Кыргызстана в РФ: становление новой традиции	73
Барнаевский П.К. Экономические практики мигрантов из Центральной Азии: свободная торговля или этнический бизнес? (на примере Краснокаменска)	86
Бадаева Л.В., Башкуева Е.Ю. География исхода и социальное происхождение китайских студентов в Бурятии	94
Торкобенко О.Н., Митупов К.Б.-М. Миграционная подвижность населения Республики Бурятия (конец XX – начало XXI в.)	102
Бураева О.В. Миграционные процессы и миграционная политика в Байкальской Сибири в XVIII – начале XX в.	110

Кальмина Л.В. Этническая миграция в Забайкалье в XIX в.: механизмы адаптации	119
Рабинович В.Ю. Акторы межэтнического взаимодействия: евреи дореволюционного Иркутска и принимающее общество	130
Вреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ	141
Галеткина Н.Г. «Дихотомические голландцы»: поиски исторической родины	159
Пешков И.О. Трансграничность на руинах Утопии. Специфика зависимости от предыдущего развития приграничных районов Сибири, Монголии и Китая	178
Сведения об авторах	189

Этот сборник стал одним из результатов работы по проекту «Байкальская Азия: мигранты и принимающее общество» в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Основной задачей проекта является рассмотрение особенностей адаптации мигрантов в Байкальской Азии и принимающего общества к мигрантам.

Байкальская Азия — стратегически важный, ключевой регион России, что предопределяется его природными богатствами, территориями, геополитическим положением. Как пишет в своей статье В.В. Базаров, «этот геополитический перекресток имеет громадные перспективы развития, ... он начинает выходить из плена исторически сложившихся обстоятельств, определяет собственный профиль в рамках мировой экономики и международных отношений».

Сама Байкальская Сибирь внутренне чрезвычайно гетерогенна по ключевым экономическим и этнокультурным параметрам. Часть ее входит в исторически сложившееся монгольское историко-культурное пространство, простирание по северу нескольких государственных границ. Миграции внутри этого пространства существовали всегда, что придает современной этномиграционной ситуации интересную и уникальную окраску.

С другой стороны, регион типичен в том отношении, что основные общероссийские тренды и тенденции демографических и миграционных процессов воспроизводятся здесь достаточно полно и отчетливо. Он и принимает, и отдает мигрантов, являясь одновременно важнейшей частью инфраструктуры их трафика. В последние годы наблюдается усиление потоков внешних, трансграничных миграций. Происходит актуализация этничности, вхождение этого фактора в социальную и политическую жизнь. Это общероссийские проблемы, но для Востока России, в том числе и для Байкальской Азии, они имеют особое значение. Поэтому необходимость мониторинга и изучения всей совокупности происходящих здесь процессов несомненна.

Чаще всего миграционную ситуацию в Байкальской Азии изучают в связи с китайской миграцией, близостью Китая. И это правильно. Однако не менее значительным является поток сюда мигрантов из Центральной Азии. Количественно он даже больше, чем поток из Ки-

тисл
гуз
того
полн
водс
Бура
форн
врод
не д
уже
1
счит
горо
проб
были
влек
прит
комф
напр

этому сред для многих горожан, и чуть в меньшей степени для сельчан, до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной миграционной стратегией.

Н.Г. Галеткина
«Пихтинские голендрды»: поиски исторической родины

Обострение земельного кризиса в Европейской России, строительство Транссибирской магистрали, столыпинская аграрная реформа, составной частью которой была организация переселения на восточные окраины Российской империи - все эти факторы привели к появлению в начале XX в. на территории Восточной Сибири большого потока вольных переселенцев. Среди них были и те, кто поселился на Пихтинском переселенческом участке Око-Лагинского переселенческого подрайона Иркутской губернии и основал здесь четыре небольших поселения - Новинь, Замостече, Дагник и Тулузин. Сегодня последнее уже не существует, а первые три в официальных ис-

точниках называются соответственно Пихтинск, Средний Пихтинск и Дачник Заларинского района Иркутской области. Нередко в прессе и в обиходной речи все три деревни обозначаются одним названием Пихтинск¹. О жителях этих поселений, на прежней родине известных под названием «бужские голендры», а также их потомках, составивших сегодня большую часть населения Пихтинска, и пойдет речь в этой статье.

По старым метрикам, хранящимся в семьях, по рассказам старожилов и по записям в метрических книгах Иркутской евангелическо-лютеранской церкви удалось определить географно-выхода большинства пихтинских поселенцев. Это были Тушанская волость Владимирского уезда Волынской губернии и Домачевская волость Брестского уезда Гродненской губернии. Здесь находились несколько поселений, обозначаемых в документах как «колонии»: Забужские Голендры, Сверховские (или Свежевские) Голендры, Замостече (или Самостече) и Новины² - в Волынской губернии; Нейбров и Нейдорф³ - в Гродненской губернии. Жители всех перечисленных населенных пунктов были последователями евангелическо-лютеранских веры и относились к Курляндскому консисториальному округу⁴. Кроме того, в интервью встречаются упоминания Люблинского уезда, где находилась деревня, в которой жили предки до переселения в Сибирь, а также Кракова как ближайшего крупного города. В таком случае информанты говорят, что их деды «приехали с Польши». Но, вероятно, они составляли незначительную часть поселенцев Пихтинского участка.

Всего на участке в 1911-1913 гг. обосновалось примерно 300 человек. В первое время они поддерживали отношения с родственниками и бывшими соседями, оставшимися на прежней родине. Несмотря на сложные условия военного времени в период первой мировой и гражданской войн, на Пихтинский участок приезжали люди из во-

¹ Для краткости я также далее использую обобщенное название Пихтинск для всех трех поселений.

² Последние два названия были продублированы переселенцами при назывании новых деревень на Пихтинском участке.

³ ГАИО, ф. 789, оп. 3, д. 4, 5.

⁴ Здесь и далее цифры на 1896 г. - из «Списка приходов Курляндского консисториального округа» - РГИА, ф. 828, оп. 13, д. 529, л. 200об.-201.

лынских и прибужских колоний так же, как и с участка в обратном направлении уезжали те, кто не прижился в Сибири. После подписания в 1921 г. мирного Рижского договора с Польшей пересекают государственную границу стало труднее. Но активную переписку с оставшимися на прежнем месте родственниками и друзьями продолжали вести многие пихтинцы.

С конца 1920-х и особенно в 1930-е гг. советское государство активно насаждает новые нормы социальной и экономической жизни. Идет наступление на единоличное хозяйство, возникают колхозы, разрушаются традиционные, и в частности, религиозные практики. Параллельно с этим рушатся и связи с прежней родиной. Переписка с родственниками за границей переходит в разряд подозрительных вещей и может стать основанием для ареста, а потому вскоре сходит на «нет». К тому же вскоре происходят события, окончательно разделившие прежде единую группу бужских голендров.

В сентябре 1939 г. территория Польши до Западного Буга была оккупирована германскими войсками. Бужское правобережье вскоре «добровольно присоединилось» к СССР, и жители расположенных здесь «голендерских» колоний, таким образом, оказались на пограничной территории. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. предусматривал в числе прочего переселение во-лынских немцев в Германию, если те выразят такое желание. В связи с этим в Германии были отпечатаны различные брошюры, листовки, газеты, в которых говорилось об исторических корнях во-лынских немцев, об их принадлежности к великой Германии, немецкому народу, звучали призывы: «Возвращайтесь домой, Родина Вас помнит и ждет!» Эта литература распространялась и среди бужских голендров, которых также причисляли к категории во-лынских немцев¹.

В январе 1940 г. они были поставлены перед выбором: Россия или Германия. Большинство жителей колоний решили уехать в Германию. «До нас пришла немецкая и русская комиссия, - рассказывает Бронислава Загнер, - стали мы записываться. Нам сказали день - 25 января 1940 года. Отец взял лошадей, воз. Все покинули - дом, хозяй-

¹ Во время встреч в 1995 г. с представителями бужских голендров, живущих в Германии, мне показывали образцы такой пропаганды. Тогда же были записаны интервью, на которые я в данном случае опираюсь.

ство, и уехали. *Всей деревней, 150 семей и уехали*» (ПФ2-1995-Г). В целом, с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в это время переселилось в Германию 67452 человека, в том числе 2280 бужских голендров.¹

Можно говорить, что с этого момента две группы бужских голендров — те, кто переселился в 1910-х гг. в Сибирь, и те, кто в 1940-х гг. оказался в Германии, в своем этническом самоопределении пошли противоположными путями. Бужские голендры в Германии самым фактом выбора, а также последующей созательной деятельностью доказывали «изначальную» принадлежность к немецкой нации. Они меняли польские имена на немецкие, учили немецкий язык, старались больше употребить его в общении, хотя в семьях и продолжали говорить по-польски и «по-хохлацки». Сибирские голендры в то же самое время прилагали усилия для доказательства, что они не относятся к немцам, вопреки тому, что государство их категоризировало именно таким образом.

Если в первые десятилетия пребывания в Сибири этническая принадлежность мало что значила для восприятия пихтинских поселенцев, то в начале 1940-х гг. она выдвинулась в ряд ключевых характеристик, определивших судьбу всей группы. С началом Великой Отечественной войны «немец» становится синонимом словам «фашист» и «враг». Одновременно с этим меняется и отношение к пихтинцам, которых вдруг начинают считать немцами. Главную роль сыграло здесь государство, которое явно выразило недоверие к этим людям, отправив в 1942 г. значительную их часть в трудовую армию.

Сначала с фронта были сняты и отправлены глубоко в тыл на строительно-лесозаготовительные работы те молодые люди, которые были мобилизованы в действующую армию в 1940-41 гг. В марте 1942 г. Запартинский райвоенкомат «призывает» в трудовую армию 45 жителей трех пихтинских деревень. Это были мужчины в возрасте от 19 до 48 лет. Осенью 1942 г. в трудовую армию из Пихтинска забрали еще 42 человека. На этот раз в списке преобладали женщины: из

¹ Holz H. Die Vudghaländer: Erste Protestanten Ostromens // Wollnische Heft, №6, 1990. Schwabach, Wiesentheid, S. 62.

42 «призывников» — 29 женщин в возрасте от 16 до 34 лет, 8 мужчин от 18 до 48 лет, а также три 16-летних и два 15-летних подростка.¹

Таким образом, почти 100 человек (87 в 1942 г. и большинство из тех 13, которых призывали в 1940-41 гг., несколько удались остаться на фронте) на 10 лет попали в трудовую армию, а по сути, в заключение. У кого-то дома остались дети, которых приходилось брать на содержание родственникам, если в трудовой оказывались и отец, и мать. Для Пихтинска это означало почти одномоментную потерю примерно трети жителей или, по другим подсчетам, половины трудоспособного населения, причем многие из мобилизованных так и не вернулись домой, погибнув в трудовой.

«С 12 лет мы пошли в колхоз сено косить. Потому что некому было, всех забрали, всех мужички увели, парней, женщин, которые без денег, ну, и девок. Мы только остались — 12-ти лет и старые» (ср. 1930, ПФ4-2005)²

8-10 лет в практически лагерных условиях при тяжелой работе и плохом питании выдержали не все из них. Выжившие вернулись домой только в 1950-52 гг. «На основании постановления СНК СССР №35 от 8 января 1945 г., распоряжения НКВД СССР и Наркомучета от 22 ноября 1945 г. немцев-трудармейцев отнесли к категории «септоселенцев». Им так же, как всем депортированным, вменялось регулярно отмечаться в спецкомендатаурах и под угрозой уголовного наказания не отлучаться от места жительства без разрешения властей».³

К общему трагизму ситуации добавилось и то обстоятельство, что именно в трудовой армии многие жители Пихтинска задумались над проблемой своего происхождения и пришли к заключению, что стали жертвой ошибки.

«Вот когда нас в трудовую туда забрали, там немцев же тоже привезли. Ну, они-то — немцы. Они нас не любят, потому что вы,

¹ Подсчеты сделаны на основании Списка жителей Запартинского р-на, призванных Запартинским РВК в 1940-42 гг. с указанием даты мобилизации и года рождения // Фонды Районного краеведческого музея пос. Запарт.

² В скобках после цитаты из интервью через запятую указывается пол, возраст информанта, номер полевой фонограммы и год записи.

³ Смирнов А. Годы унижений // Земля Иркутская. Иркутск, 1997. № 7. С. 55.

говорят, не по-немецки... Какие вы немцы! Они нас по-своему по-немецки называют, что мы — свинья русская. А русские могут нас не любить. <...> Вот нас пихтинских с двух сторон обижали. Вот Ну, что — они-то хоть, ладно, немцы, только русские их обижали. А мы — и они нас обижали, и русские нас обижали. Видишь как. Вот так. Нам досталось больше всех, эти пихтинские» (жк, 1923, ПФ2-2005).

Отношение к пихтинцам, как к немцам (а к немцам, как к врагам, «фашистам»), сохранялось еще спустя много лет после войны. Травмирующий опыт трудовой армии вкупе с аресиванным отношением в обществе к «немцам» закрепили негативное восприятие пихтинцами внешней категоризации их группы как «немецкой». Противостояние навязываемой извне этнической идентификации становилось значимой чертой их групповой идентичности. «Мы — не немцы» — становится основным мотивом в разговорах о своей идентичности.

Музей и СМИ: главные участники «поиска родины»

Первое общественное мероприятие, с которого собственно и началась история активного интереса к Пихтинску со стороны исследователей и журналистов, было проведено районным Заларинским краеведческим музеем 3-4 декабря 1994 г. На стадии разработки идеи сотрудники музея планировали назвать это мероприятие «встречей немецкого землячества». Однако результаты предварительного исследования, которое я проводила по просьбе музея осенью 1994 г., интрузивно пихтинских уроженцев, показали некорректность использования такой формулировки. Тогда появились другой, довольно странный, вариант названия — «праздник немецко-польского землячества», который, в конце концов, трансформировался в «праздник пихтинского землячества».

Праздник прошел с размахом. Число приглашенных гостей было вполне сравнимо с общим количеством всего населения пихтинских деревень. Среди них были чиновники различного ранга (от уровня сельской администрации до областных властей), представители национально-культурных обществ, творческих организаций, научные сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия, журналисты. На протяжении двух дней они смотрели выступления местных жителей, слушали доклады научных сотрудников, выступали с приветственными речами, участвовали в инсценировке пихтинской свадьбы, угощались местными блюдами и напитками, катались в са-

нах, запряженных тройками лошадей, ходили в гости к пихтинским жителям, разглядывая сохранившиеся с давних времен экзотические предметы быта.

Вслед за праздником прокатилась волна публикаций и репортажей о Пихтинске в районных и областных СМИ. Такие волны появлялись и после каждого последующего публичного мероприятия, связанного с Пихтинском (буль то юбилей Заларинского района, открытие новой экспозиции районного музея и пр.). Практически в каждой статье говорилось об уникальности живущих здесь людей, о важности поиска корней и сохранения традиций. При этом приводились самые разные варианты их этнической идентификации и своеобразно пересказывались исторические факты из опубликованных ранее работ. Приведу несколько примеров.

«В декабре прошлого года состоялся праздник землячества, на котором присутствовало более 200 человек. Над. отдать должное И. З. Зеленту, районной администрации — мероприятие удалось славу. На праздник приезжал председатель культурно-просветительного польского общества «Огниво», поляк по происхождению Е.Э. Вржащ. Он привез много литературы на польском языке, ближе познакомился с сибиряками-поляками (здесь и далее выделено мной — Н.Г.). Еще в 1912 г. к полякам, которые покинули Родину по разным причинам и обосновались в тайге, приезжал церковный настоятель...»¹

«Давно наступил момент заняться исследованием переселения голландцев (Пихтинск, Дятник, Средний), сумевших в первоначальной чистоте сохранить свои обычаи, национальную культуру, язык. <...> Возможно, что после отхода от царского двора предполагаемые «Голландцы» осели в Польше, Германии или Западной Белоруссии»².

«80 лет в глужной глуши прожили немцы, став настоящими сибиряками. Три деревни — Средний Пихтинск, Пихтинск и Дятник, — затерявшиеся в тайге на окраине Заларинского района, населяют люди, чьи предки в 18 веке переселились в Россию из Восточной Пруссии».

¹ Казакова С. Отец Ингасно в Пихтинске // Сельская новь, №9, 3 марта 1995, Запари.

² Яковлев А. Где наши корни? // Сельская новь, июль 1997 г., Запари.

сии <...> Более далекое прошлое немцев-голландцев-сибиряков до сих пор неизвестно»¹.

«В 1994 г. колонию выходцев из Голландии обнаружили почти случайно — во время инвентаризации памятников истории и культуры. <...> В Сибирь, к Байкалу, призванные Петром и матушкой Екатериной, голландцы попали из Волыни во времена Столыпина. <...> Приезжие с северной Европы сразу видят в них родню. <...> Неожиданно открытый народ. Голландцы живут в Голландии. Голландцы — только в Иркутской области, в глуши. Давно уже «пишутся» русскими и украинцами. И все-таки они — голландцы»².

После выхода статьи и фоторепортажа о «Пихтинских голендрах» в Московском еженедельнике «Итоги» жителями Пихтинска заинтересовалась голландская газета «Volkscamp». В результате в 1999 г. представители газеты, в числе которых был и московский корреспондент Барт Рийс, приехали сюда, чтобы сделать репортаж о «сибирских голландцах». По словам местных жителей, они рассказывали им, что в Голландии встречаются такие же фамилии, как в Пихтинске, и что вполне возможно, что предки пихтинцев жили именно в Голландии.

Историческая родина в коллективной памяти

Говорить об отношениях пихтинцев с исторической родиной довольно проблематично, поскольку на современной политической карте не существует государства, которое бы они однозначно называли своей исторической родиной, а его жителей — своими «земляками» или «соотечественниками». Есть некие представления о прежнем месте проживания дедов и прадедов. Существоют немногочисленные контакты с представителями той более широкой общности бужских голендров, от которой отпочковалась рассматриваемая группа, переселившись в 1910-х гг. в Сибирь. В различных публикациях высказываются также предположения о генетической и/или культурной связи жителей Пихтинска с представителями нескольких современных государств.

Во время записи первых интервью с пихтинскими жителями в 1994 и в 1997 гг. еще не было никаких публикаций по истории груп-

пы, а районный краеведческий музей только планировал организацию «пихтинских встреч». Проведенные тогда полевые исследования показали, что в коллективной памяти группы нет четкой информации о происхождении и далеком прошлом своих предков. Исторические нарративы относительно к переселению в Сибирь и ко времени, которое непосредственно этому предшествовало. В рассказах людей старшего поколения иногда встречались фразы, отсылавшие к дореволюционным реалиям: например, употребление архаической формы «Рассей», противопоставление Сибири и России, где к последней относились и те территории, которые сегодня воспринимаются как ближе к зарубежье.

«Мои родители с Рассеи приехали, с Гродненской губернии, с Брест-Литовского уезда. Сестры в Рассеи еще родились, эти обе в Рассеи, брат. А я — сибирячка. Нас здесь трое родилось, как приехали» (ж. 1916, ПФ1-1994).

И: Я родился еще там, в России

НГ: А где в России?

И: На Украине. В Волынской губернии» (м, 1905, видеозапись 1998).

«Ну, слышал, что приехали откуда-то, как называли, с Рассеи, а откуда? Ну, слышал, что возле Польши близко, через реку Буг. Это я знаю, это я даже после войны услышал. На той стороне Польши. А наши жили на этой стороне Буга реки» (м, 1924, ПФ2-1997).

Иногда люди называли конкретные деревни и уезды, иногда только губернии (Волынская, Гродненская, Люблинская), однако чаще всего говорили, что родители и деды приехали в Сибирь «с Волыни» или «с Буга». Реже встречались привязки места выхода переселенцев к Польше. В интервью с более молодыми людьми преобладали приблизительные формулировки типа «откуда-то с Волыни приехали».

Некоторые информанты упоминали о письмах, приходящих из Германии от родственников, но о причинах переселения в Германию мало что могли сказать.

И: А наши, вот эти, которые приехали, да и остались там много голендров. Они. Их выслали к немцам труда всех, с Польши выслали наших. Еще до второй войны. Переселили в Германию почему-то всех

¹ Берг С. 80 лет в таежной глуши // СМ-номер один. 1997. № 8. 9 сент.

² Липчинская О. В Заларях живут сибирские голландцы // Комсомольская правда — Байкал. 1999. 28 сент.

оттуда. У моей сестры племянница была, письма еще писала сюда из Германии

ИГ. Можесен, они сами уехали или их выслали?

И: Я не помню даже. Как будто их туда всех как-то переселили (м. 1914, ПФ2-94).

И: А потом, когда вторая война началась, то там же перешурковали куда-то их. Я даже не знаю, как там, но найти не могли. А потом она прислала письмо, все же таки знала, что где-то здесь дед был.

ИГ. А откуда письмо то было – с Польши, Украины, Германии?

И: Ну, где они там были. Я точно не знаю. И всё, больше писем не стали писать (ж, 1920, ПФ3-1994).

«Он тогда рад – не рад, собрался и поехал. А туда уже приехал, мы не знали и потеряли их. А потом с Харасуна, там у нас дядька один знакомый, с наших же людей, он стал писать в Москву куда-то и надбывал, что они в Германии. И вот они оттуда прислали письмо. А тогда же зарекалась. Пана то сразу отказался писать письма, потому что папа то был в тюрьме. <...> Я взяла адрес и писала, пока папа не знал, что пишу. До 61-го года я всё писала им письма, фотографии отправляла Броне (ж, 1939, ПФ3-1997).

В интервью, записанных в 2005 г., было меньше деталей и чаще встречалась обобщающая фраза «приехали с Волыни». В нескольких случаях прозвучали ссылки на публикации в научно-популярных журналах, которые имелись к тому времени в пихтинских домах. Именно из тех же публикаций многие пихтинцы узнали о судьбе оставшихся на Буге и на Волыни: о том, что в 1940 г., после того, как колонии бужских голендров вошли в пограничную зону, образованную советским и германским руководством, большинство их жителей добровольно переселились в Германию.

Личных контактов с земляками, оставшимися на прежней родине, а затем оказавшихся в Германии, практически не было. Та редкая перепiska, которая установилась между несколькими семьями, была делом трудным и опасным. С одной стороны, существовал страх утратить этой перепиской свое положение как людей ненадежных

(следствие приписывания их к немцам и опыта трудовой армии)¹. С другой, найти уехавших из Волыни на новом месте было довольно сложно. Прежняя компактность проживания была нарушена. Бужские голендры оказались разбросаны по всей территории Германии, а кто-то оттуда вскоре эмигрировал в Канаду и США.

В 1990-е гг. ситуация меняется в том смысле, что и за границу становиться легче выехать, и наличие родственников за рубежом уже не воспринимается как порозрительный факт. Тем не менее, активного восстановления разорванных связей с родственниками и земляками в Пихтинске не наблюдается. Мне известны лишь два случая поездок уроженцев Пихтинска в Германию в конце 1990-х гг.

«Я приехал сюда, чтобы встретиться с нашими земляками...»

Лишь в июне 2004 г. в Пихтинске впервые появляются представители бужских голендров, живущих сегодня в Германии. Ими были братья Эдвард и Вальдемар Бютовы из г. Шверина. Эдвард Бютов родился в 1932 г. в колонии Замостече на Западном Буге и в 1940 г. вместе с родителями переселился в Восточную Германию. Ко времени поездки в Пихтинск он уже много лет занимался сбором и публикацией сведений по истории бужских голендров. В рамках проводимых им исследований Э. Бютов в 1998 и 2003 гг. совершил поездки в Польшу и Украину, где посетил места бывших голендерских колоний. Его сибирика поездка была организована при поддержке исторического общества «Волынь», с которым Э. Бютов сотрудничал с начала 1990-х гг. Эта общественная организация, центральный офис которой находится в г. Вюрцбург, объединяет волыньских немцев, к числу которых относят себя и многие бужские голендры, живущие сегодня в Германии, в том числе и братья Бютовы.

О цели и результатах своей поездки в Пихтинск Э. Бютов рассказал в интервью следующим образом. «Я приехал сюда, чтобы встретиться и познакомиться с нашими земляками, бужскими голендрами, узнать больше об их жизни здесь. <...> То, что я узнал и получил в ходе этой поездки, гораздо больше того, что я ожидал. Я не думаю, например, что найду здесь тех людей, имена которых мне уже были

¹ «Сказнялось еще долго на нашей жизни то, что нас считали немцами. Люди боялись поддерживать связи с родственниками за границей, боялись ворошить прошлое» [Зелент 2004: 94].

известны из других источников. <...> Не рассчитывай я и на то, что мы найдем здесь своих родственников в третьем поколении. Мы встретимся, поговоришь и теперь будем поддерживать эти появившиеся контакты. <...> Есть наши голендры в Канаде, в США, в Голландии, Франции. А теперь вот у нас появились контакты и с нашими земляками из Сибири, которые мы обязательно будем поддерживать. Это интересно для меня самого и будем также интересно для наших людей здесь и там. Наша поездка, думаю, поможет нашим голендрам здесь — им самим, их детям и внукам — сказать, откуда они приехали, кем они были, как они будут жить»¹

Стремление объяснить своим землякам, как в Германии, так теперь и в Сибири, что «на самом деле они — немцы», Эдвард Бютов рассматривает как одну из главных мотиваций своей деятельности. Сопровождая Бютова в поездке в Пиктинск, я могла лично наблюдать этот чуть ли не миссионерский настрой, проявившийся в его общении с «земляками».

Говоря о реакции на свою первую книгу в Германии, он рассказывает, что многие люди выражали ему свою благодарность. «Мне люди пишут: «Теперь мы знаем, кто мы есть и откуда мы приехали. Мы были немцами даже лучшими, чем эти, которые нас называли поляками или русаками». Для них все это имеет большое значение. Вы знаете, ведь когда они переселились в 1940 году в Германию, они почти не умели говорить по-немецки, у них была инкая культура. Поначалу трудно было?»

Отношение жителей Пиктинска к братьям Бютовым было двойственным. С одной стороны, их воспринимали как «немцев из Германии», то есть «чужих». С другой стороны, к ним относились как к «своим», поскольку родом они были из тех же бужских голендров, к которым принадлежали основатели Пиктинска. Конечно, в первую очередь, они стали «своими» для родственников, которые обнаружались в Пиктинске во время этой поездки. Установившиеся контакты поддерживались через переписку, и через несколько лет Бютовы снова приехали в Пиктинск на 100-летний юбилей деревни.

¹ «Я приехал встретиться с земляками...»: интервью с Эдвардом Бютовым // Галлецы. 2004. № 4 (23). С. 110–111, 115.

² Там же, с. 114.

Германия? Польша? Голландия?

На сегодняшний день контакты жителей Пиктинска с бужскими голендрами из Германии нельзя назвать частыми и интенсивными. Но сам факт их установления может означать появление новой тенденции. С укреплением уже существующих связей и с расширением круга знакомств, возможно, именно Германия будет все больше ассоциироваться с местом проживания «земляков», поскольку польских поселенцев давно нет, как нет и контактов с голендрами, живущими в Польше, Голландии, США и Канаде. Германские голендры позиционируют себя в качестве польских немцев, то есть как специфическую, но все же неотъемлемую часть немецкого народа. До сих пор причисление пиктинцев к немцам вызывало у них отторжение. Однако можно предположить, что укрепление связей с германскими родственниками и земляками снизит остроту этой негативной реакции. К тому же с уходом из жизни непосредственных участников трудовой армии слаживаются и воспоминания о травматическом опыте, связанном с немецкой идентификацией пиктинских голендров. Так что именно Германия имеет наибольшие шансы стать в будущем «вновь обретенной исторической родиной».

Хотя можно предположить и другую сценарий, например, появление в Пиктинске нотошков бужских голендров, проживающих сегодня в Польше и, возможно, опущающих себя в большей степени поляками, чем немцами. Известно, что на территории Польши, неподалеку от польско-белорусской границы и места расположения прежних колоний, откуда приехали основатели Пиктинска, до сих пор существует компактное поселение бужских голендров Славатыче. Вполне вероятно, что между его жителями и пиктинцами также могут обнаружиться какие-то родственные связи. Гипотетическое взаимодействие с ними или с какими-либо другими «польскими голендрами» имеет все основания для укрепления польской составляющей в групповой идентичности жителей Пиктинска. На первый план при этом могло бы выйти использование польского языка в религиозно-обрядовой сфере и наличие воспоминаний о прежней родине «в Польше».

Кстати сказать, тот факт, что в Пиктинске с 1995 г. стал проводиться богослужения католический священник, во многом был обусловлен его польским происхождением. «Ну, сначала так было: вот этот Адольф Дльвиншиц, он прочитал где-то в газетке, что приехали

(в Иркутске) с Польши священник, но-польски. Его заинтересовало — кто же это, мы-то можем с Польши приехать. Он написал письмо им — отцу Игнатю, что, если можете, приедьте к нам, мы можем приехать люди, мы с Польши, мы хотим увидеть. Ну, им сразу, как, невозможно было. А потом они приехали» (ж, 1916, ПФ4-2005).

Ситуация с Пихтинском уникальна тем, что местному сообществу пришло смещение различных культурных черт. При желании можно подчеркнуть какую-то одну из них и игнорировать все остальные. Характерный пример — обращение Генерального консула Республики Польша в Иркутске Эдварда Денкевича к читателям иркутского научно-популярного журнала «Гальцы», номер которого был посвящен польской сибирской деревне Вершина. Консул Денкевич по сути ставит Пихтинск и Вершину в один ряд как примеры сохранения польской культуры в Сибири. Он пишет:

«Это уже второй номер журнала, все страницы которого содержат материал о польской культуре в Сибири. Один из предыдущих журналов «Гальцы», №4(23) 2004 г., был посвящен уникальной этнической группе так называемых голландцев, которые проживают в трех деревнях Иркутской области: Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. Жители этих деревень до сегодняшнего дня бережно сохраняют польскую культуру, польские традиции и обычаи, в том числе и в деревенской архитектуре. <...> Голландцы являются сельской общиной, переселившейся в Сибирь со знанием архитектурного строительства, характерного для тех районов Польши, которые они ранее заселили. Село Вершина и деревни голландцев — яркий пример многообразия культуры Сибири. <...> Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске благодарит коллектив музея <...> за внимание и интерес к объектам польской культуры, за сохранение памяти о вкладе польской культуры в равнине Сибири»²

В данном случае подчеркиваются архитектурно-строительные традиции, близжающие пихтинцев с польской культурой. В другой си-

¹ Она говорит о священнике. Подобная форма употребления множественного числа третьего лица по отношению к уважаемому человеку часто встречается в речи пожилых пихтинцев.

² Денкевич Э. Слово к читателям // Гальцы. 2005. № 4 (27). С. 3.

туации подобным идентификационным маркером может стать «украинский» язык внутрисемейного общения, «немецкие» фамилии и т.д.

Приведем еще один пример «приписывания» жителей Пихтинска к определенной культуре и исторической родине, на этот раз — к Голландии. После публикации в московском еженедельнике «Итоги» статьи и фоторепортажа о «нихтинских голландцах» [Сорин 1998], к Пихтинску проявил интерес московский собкор нидерландской газеты «De Volkskrant» Барт Рийс. В результате его поездки в Пихтинск в газете появилась статья «Голландцы в Сибири». Пихтинская история настолько заинтересовала журналиста, что он решил написать об этом книгу. Разработав проект и получив под него грант, Б. Рийс еще несколько раз приезжал в Пихтинск для сбора материала, а кроме того провел исследования в нескольких российских и украинских архивах. В итоге в 2005 г. в Амстердаме вышла его книга «Het hemels vadersland. Hollanders in Siberië». Сообщение об этом появилось на официальном интернет-портале «Бабр» под характерным заголовком «Вышла в свет книга об иркутских голландцах». В заметке говорится следующее: «Недавно вышла в свет книга "Небесное Отечество. Голландцы в Сибири" международного журналиста Бартоломео Рийса о наших земляках и его соотечественниках-голландцах, проживающих в поселке Пихтинск (Западинский район). 360-страничная книга, изданная в Амстердаме, написана на языке исторической родины голландцев — голландском. В настоящее время краеведческий музей поселка занят поисками переводчика книги на русский язык»¹.

Вопрос о переводе книги с голландского на русский язык стал обсуждаться пихтинскими активистами после того, как Б. Рийс прислал в Пихтинск и Иркутск несколько экземпляров издания. Вполне возможно, что подобная мера станет для них еще одним средством преодоления неопределенности в вопросе этнической идентификации. Тем более, что голландская версия происхождения имеет неслепотимые преимущества перед немецкой хотя бы потому, что не несет коннотаций с трудовой армией и оккупационными «немцами-фашистами», которыми на протяжении долгого времени подвергались жители Пихтинска со стороны жителей соседних деревень.

¹ Вышла в свет книга об иркутских голландцах // Бабр.ру. 04.04.2006. Режим доступа: <http://news.babr.ru/PDE=29010>

Историческая родина и групповая идентичность

Обобщая всё вышесказанное, следует подчеркнуть то значение, которое имеет фактор исторической родины в Пихтинске для процесса групповой идентификации.

В современной жизни пихтинцев отсутствует внешняя группа, которая бы символизировала общую историческую родину и определенную этничность. Родина оптов и дедов скрывается для местных жителей за неясными и этнически не маркированными представлениями о Волыни и Буге. Мало кто может отождествить место исхода своих предков в Сибирь с конкретным современным государством, тем более что поселений, откуда выехали их предки, сегодня не существует, а жившие в них до войны люди переселились в 1940 г. в Германию. Однако Германия, как и Голландия с Польшей, не занимает в коллективной памяти людей места исторической родины. Отсутствие преемственности в отношении территории проживания и государственной принадлежности не позволяет пихтинцам выработать четкую этническую самоидентификацию. Этнические активисты демонстрируют стремление преодолеть эту неопределенность, пытаясь поставить точки над *i* в вопросах происхождения и истории группы бужских голендров. Однако говорить, что эти интэнции отражают общую динамику процессов групповой идентификации, пока рано.

Понимая этническую идентичность как отражение и во многом как результат взаимосвязанных процессов внутренней и внешней идентификации¹, мы видим, что пихтинские голендры представляют собой очень специфичный вариант несовпадения внутреннего и внешнего определения. Не принимая навязываемую извне дефиницию, члены группы при этом не отказывают какое-либо собственное автономное определение. Наоборот, они принимают отрицательную идентификацию в свою идентичность. Они вырабатывают новое самоопределение, которое парадоксальным образом содержит навязываемую

извне дефиницию, но со знаком минус. То есть формируется групповая идентичность, в основе которой лежит принцип «мы – не-А», где «А» – навязываемое извне этническое определение. Этот принцип мы обозначили как *протестную этническую самоидентификацию*.

Подобную теоретическую модель описывает в своей работе Р. Дженкинс, хотя и никак ее не называет. Он пишет: «существуют ситуации, когда подавляемая группа сопротивляется, отрицает навязываемые границы и/или их содержание. Однако самим актом сопротивления, стремлением отстоять самоидентификацию, в действительности, достигается эффект категоризации. Отрицаемое внешне определение интернализируется, но парадоксальным образом, как фокус «отрицания»¹. Другими словами, члены категоризируемой группы, в данном случае пихтинцы, сопротивляясь навязываемому извне определению «немцы», сосредотачивают усилия на том, чтобы доказать, что они – «не немцы». Не будь этой конкретной внешней категоризации, не было бы и столько внимания с их стороны к данному этнониму. Отрицая его и выстраивая на этом собственную групповую идентичность, они тем самым вбирают его, интернализируют, закрепляют в качестве обязательного отрицаемого элемента.

Отрицание навязываемой идентификации постепенно формирует целый комплекс представлений о своей группе, отражаемый, например, в коллективной памяти. Так формируется идентичность, в основе которой лежит протестная этническая самоидентификация.

Но почему пихтинцы выстраивали свою этническую идентификацию по формуле «мы – не-А» вместо того, чтобы предложить собственное определение, никак не связанное с отрицаемой внешней категоризацией? Опираясь на имеющийся материал, можно выделить два комплекса причин. Первый связан с отсутствием у членов группы внутренних оснований для принятия дефиниции «немцы» или для выдвигания собственного этнического определения. У них не было опоры в виде исторического нарратива, обосновывающего немецкое или какое-либо другое этническое происхождение. Частое прекращение государственных границ и меняющаяся государственная принадлежность территории, где располагались колонии бужских голен-

¹ В этом мы следуем за концепцией, предложенной Ф. Бартом и позднее развитой Р. Дженкинсом. См. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference / Ed. by F. Barth. Copyright 1969 by Universitetsforlaget 1998 reissued by Waveland Press Inc. P. 9–38.

Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Exploration. London: Sage Publications, 1997.

¹ Jenkins R. Rethinking Ethnicity: Arguments and Exploration. London: Sage Publications, 1997. P. 71.

дров (Российская империя — Республика Польша — Германский рейх) не способствовали кристаллизации такого исторического нарратива или исторического мифа, общему для всех членов группы, не создавали ситуацию заинтересованности в его производстве. Не было такой опоры и в виде четкого образа исторической родины, а также находящихся с ней в связке «соотечественников». С бужскими голендрами, переселившимися в Терманию в 1940-е гг., контактов практически не было. Да и те сами чувствовали себя чужаками на «новом обретенной родине» и вряд ли бы могли стать опорой и фактором актуализации немецкой самоидентификации.

Второй комплекс причин связан с особенностями конкретного исторического момента, напрямую повлиявшего на судьбу членов группы. Начавшаяся война с Германией привела к тому, что все «немцы» стали восприниматься как враги. Это, в свою очередь, усилило негативное отношение к группе пихтинских жителей, которых государство идентифицировало как немцев, отправив значительную их часть в трудовую армию. Не будь травмирующего опыта трудовой армии и негативного отношения окружающих уже в мирной послевоенной жизни, возможно, не было бы этого стремления доказать ошибочность подобной внешней идентификации. Его также могло не быть, если бы группа имела прочные внутренние основания для принятия этой, пусть и стигматизирующей, категоризации — как это произошло в случае с российскими немцами. Но, как сказано, выше, таких оснований у пихтинцев не было.

Р. Дженкинс считает, что, несмотря на ту роль, которую играет в производстве этнической идентичности социальное взаимодействие, нельзя забывать и о всегда присутствующих «потоках традиции» или «совокупностях дискурсов» (*schemas of tradition*) от *«knitiveness of discourse»*), которые обладают определенным уровнем стабильности и влияют на акторов. «В социальном конструировании этнических границ и идентичностей история сочетается с компромиссом текущего момента. <...> Акторы могут создавать свои собственные идентичности, но на самом деле они не могут сами выбирать обстоятельства, в которых они это делают»¹.

¹ Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Arguments and Exploration*. London: Sage Publications, 1997. P. 142.

Иначе говоря, люди могут осуществлять тот или иной выбор относительно собственной идентичности (в какой степени осознанно — другой вопрос) во многом под влиянием и в ходе социального взаимодействия. Но их выбор при этом ограничен обстоятельствами конкретного момента, в которые входит как совокупность специфических социальных, политических, экономических черт, так и общепринятые в данном обществе модели категоризации, способы «говорения» на те или иные темы. То есть обстоятельность, в которых проиходят процессы трансформации идентичности, далеко не всегда зависят от конкретных акторов. Есть нечто, как бы навязанное им извне в силу сложившихся традиций, сложившегося дискурса, всего хода развития данной группы в конкретный исторический период.

Так, в случае с пихтинцами этот «груз истории» выражался в негативном отношении к немцам, сложившемся в результате войны с Германией; в причислении их к стигматизированной этнической группе, что повлекло за собой трагический опыт трудовой армии. Эти события еще не стали достоянием далекого прошлого, и их влияние продолжает ощущаться.

Что касается общих схем категоризации, то в российском бытовом и общественном дискурсе по-прежнему преобладает примордиалистский подход к этничности, согласно которому каждый человек имеет определенную этническую принадлежность или «национальность», причем ее название должно входить в список общеизвестных и общепринятых¹ наименований. Поэтому вряд ли название «голендры» закрепится за группой в качестве самостоятельного этнонима как во внешней, так и во внутренней идентификации. Скорее всего, привычка определять людей в однозначных и привычных категориях «национальности» возьмет верх и поместит слово «голендры» (вместе с группой, им обозначаемым) в более привычную классификационную ячейку. И взгляд за утверждениями об «уникальном народе, живущем в сибирской глубинке» будет следовать исторический экскурс, расставлюющий точки над *i* и поясняющий, к какой из известных национальностей он «на самом деле» относится.

¹ Появление в последних всероссийских переписях населения таких самоидентификаций, как *сибиряки, эльфы и пр.*, думано, является, скорее, исключением, чем правилом.

Вопрос об исторической родине остается для пихтинцев открытым — в том смысле, что здесь возможны варианты развития ситуации. Сейчас под исторической родиной они понимают место проживания дедов и прадедов накануне переселения в Сибирь, то есть, Волынь и земли вдоль реки Западный Буг. Но с распространением исторического нарратива о более далеком прошлом группы бужских голендров возможно усиление внимания к «изначальной родине», откуда предки волыньских колонистов пришли на эти земли. Можно предположить, что ответ на вопрос об этой далекой «изначальной» родине будет сформулирован более определенным образом, нежели сейчас, и здесь возможны варианты: Германия, Голландия, Польша. В любом случае, для преодоления протестного характера собственной этнической идентификации группа должна будет прийти к некоему этническому мифу, который соединит разрозненные фрагменты и версии в стройную непротиворечивую картину «истории народа», в которой основополагающую роль будет играть представление об исторической родине.